

ЭСКИМОСИК МАННИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА

56
2282

56
2282

ЭСКИМОСИК МАННИ

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ
Р. АМУНДСЕНА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
М. ШВАРЦ

ОБРАБОТАНО
Л. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» МОСКВА

1928

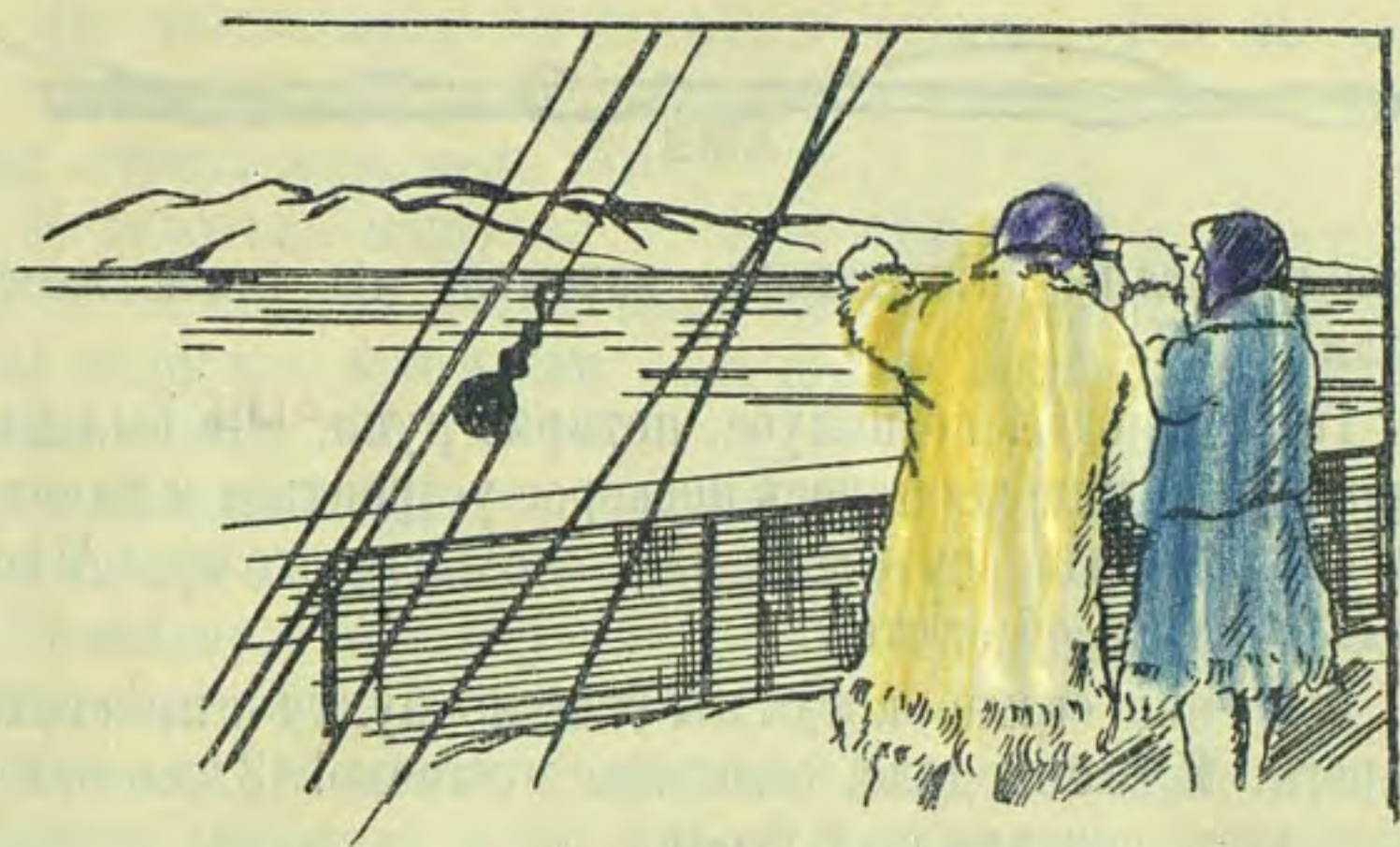
ESKIMOLEBEN
VON
R. AMUNDSEN

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1963 акт Р

к 3731

/11

I. Мы причаливаем.

— Ганзен, посмотрите-ка сюда!

Ганзен взял свою подзорную трубку.

— Не кажется ли вам, что на этом берегу можно найти удобную гавань?

Берег был здесь, на «Земле короля Вильгельма», такой же, как и везде на северо-востоке Гренландии: пустынный, изрезанный заливами и мелкими островами. Казалось, защищенного от ветра местечка нет и пристать некуда. Но я указал Ганзену на залив, глубже других вдававшийся в землю и окруженный высокими скалами.

— Вот, по-моему, отличное местечко для зимовки.

— Здесь?! О, да, здесь должно быть чудесно.

И Ганзен опустил трубку.

Через несколько минут все на корабле знали уже, что гавань близко. Ура! Наконец-то окончились наши скитания. И как кстати: стоял конец сентября, наступала зима. Вот-вот должны начаться снежные бури... А у нас все еще не было спокойного и удобного местечка, где мы могли бы работать — наблюдать и изучать эту

суровую страну. Но теперь, кажется, мы такое место нашли!

Ганзен ходил по палубе, потирая руки. Он был метеоролог и ему не терпелось поскорее устроиться и начать свои наблюдения. Да и всем нам хотелось того же. А команда мечтала об охоте...

Было еще светло, когда мы вошли в бухту и пристали у берега. В самом деле, отличное местечко! Здесь ветер может дуть, сколько ему угодно.

И вот мы на зимовке. Расположились, устроились, установили наблюдательные пункты-станции — и со следующего же дня принялись за работу. А в свободное время охотились: здесь часто попадались великолепные северные олени.

II. Знакомство с эскимосами.

— На севере олени! Скорее...

Это кричал Линдштром, наш повар. Он вбежал в каюту, где мы только что кончали завтрак, и так размахивал своим ружьем, точно мы были олени и он собирался нас застрелить.

Все повскакали со своих мест и бросились за ружьями. Немного погодя мы были уже на берегу.

Я взобрался на холмик, мой любимый наблюдательный пункт. Огляделся. Кругом — пусто и тихо-тихо. Видно только море, сплошь покрытое льдами, и безграничное снеговое пространство. Но где же олени? Я пристально вглядывался в горизонт и, наконец, заметил на севере небольшое темное пятно.

Оно быстро увеличивалось, точно приближалось к нам. Повидимому, это, действительно, олени. Чтобы

лучше разглядеть их, я взял мою подзорную трубку и приставил ее к глазам.

Но что это? Растерявшись, я опустил трубку. Через стекла я ясно увидел, что передо мною были не олени, а люди.

Эскимосы!! Их было пять человек. Должно быть, они заметили наш корабль и теперь довольно быстро шли к нам.

Тут было над чем призадуматься. Эскимосы, несомненно, считают нас врагами. Может быть, они собираются напасть на нас. А среди нас нет никого, кто знал бы хоть немного эскимосский язык.

Я бегом спустился с холмика и бросился к кораблю предупредить своих.

— Ганзен, Линдштром, товарищи. Это не олени... Это... Это эскимосы.

Мы не ожидали встречи с эскимосами в это время года и не приготовились к ней. Что теперь делать — никто из нас не знал. Но рассуждать было некогда — эскимосы приближались. Вот они на холмике — не более, чем в пятистах метрах от нас. Мы прочистили карабины, наполнили патронташи... Воевать — так воевать. Но если бы знать по-эскимосски хоть слово, если бы объяснить им, что мы им вовсе не враги! Ведь в случае столкновения нам придется стрелять в них, а этого нам совсем не хотелось.

А эскимосы подходили все ближе и ближе. Их можно было уже хорошо разглядеть. Они громко кричали, жестикулировали и указывали

на нас пальцами. Но нам все-таки казалось, что настроены они миролюбиво.

Что нам делать: обороняться или наступать?

Конечно, только обороняться! Это было наше единодушное решение.

Между тем, эскимосы выстроились в боевом порядке и пошли прямо на нас. Делать нечего — пришлось и нам сделать то же. Неужели сейчас начнется между нами бой?

Вдруг в моем мозгу выплыло слово — «тейма».

Тейма!... Что это значит? Кажется, это слово обозначает у эскимосов приветствие.

Изо всей силы я закричал:

— Тейма!

— Тейма! Тейма! — закричали и мои спутники.

Эскимосы остановились. Среди них произошло замешательство. Мы приветствовали их — и они не могли понять, кто же мы — враги или друзья?

Момент был решающий.

Но, как видно, и эскимосам не хотелось драться, потому что в следующую секунду мы услышали:

— Ма-ни-кту-ми!

Я напряг свою память до крайности, стараясь вспомнить, что значит «маниктуми». Это слово звучало так знакомо...

А до нас снова доносилось:

— Ма-ни-кту-ми! Ма-ни-кту-ми!...

Вспомнил, наконец! Маниктуми — высшее дружеское приветствие у этих эскимосских племен.

Какое счастье! Значит, не война, а мир . . .

В одну минуту бросили мы ружья и поспешили к эскимосам навстречу. Мы отвечали им на приветствие и тоже кричали «маниктуми».

Это была радостная встреча друзей. Мы обнимались, кричали, хлопали друг друга по плечам. Трудно было сказать, кто больше радовался миру — мы или они.

Пошли к судну. Знаками пригласили наших новых друзей подняться на корабль. Они охотно согласились.

Линдштром сейчас же принес угощение — горячего кофе и поджаренного хлеба. По нашему это было очень вкусно, но эскимосам не понравилось: они попробовали — и сделали гримасу. Но тут же знаками показали, что им хотелось бы напиться. Тогда мы дали им воды.

Это понравилось им гораздо больше, чем кофе. Они обрадовались, как дети, и в один прием выпили по два литра воды каждый.

Я смотрел на них с удивлением. Как! Они предпочитают холодную воду кофе! Ну, тогда, конечно, их надо угощать иначе.

— Линдштром, принеси-ка с палубы оленьи ноги!

И вот тут-то пошел пир горой. Это было настоящее угощение. Из своих меховых сапог наши гости достали большие длинные ножи — и в короткое время от трех оленьих ног остались только голые кости.

Мы только диву давались: никогда в жизни мы не видали такого аппетита.

А когда мясо было съедено и еще по два литра воды выпито — началась беседа.

Объясняться с ними мы выучились довольно быстро — и расстались, очень довольные друг другом.

Через два дня мы встретились снова: эскимосы принесли нам для продажи оленьи меха. Но купцы они были плохие: мы купили у них прекрасную большую оленью шкуру за одну иголку!

Впрочем, для них это вовсе не было так дешево. Цены деньгам они не знали, а иголка была им очень нужна. До нашего приезда во всем племени была одна единственная самодельная железная иголка. Получив от нас вторую, они считали, что разбогатели.

III. В гостях у эскимосов.

Моего друга Манни не было в числе первых наших эскимосских знакомцев. Я встретился с ним позднее, когда сам отправился в гости в эскимосский поселок. Это было довольно далеко от нас. Мы вышли днем, часов около двенадцати, и шли часа четыре, не останавливаясь ни на шаг. Я шел на лыжах, мои спутники—эскимосы—на снеговых коньках. Наступила ночь, мороз усилился, — а поселка все еще не было видно.

Вдруг я услышал радостные восклицания: эскимосы, усиленно жестикулируя, указывали вниз, на долину. Я тоже посмотрел вниз — и с вершины холма увидел несколько веселых огоньков. Очевидно, это был лагерь.

Я обрадовался. Ночь была так холодна и сурова, а огоньки обещали отдых и тепло . . .

Мы подвигались все вперед и вперед. Вот лагерь уже совсем близко. Еще немного — и мы «дома». Но какая встреча ждет меня там?

Я невольно нащупал в своем спальном мешке несколько блестящих украшений, которые я взял с собой, чтобы подарить эскимосам — и в этот момент услышал громкие крики.

— Каблуна! Каблуна! — неслось в морозном воздухе.

«Каблуна» значит по-эскимосски белый человек.

Очевидно, мои спутники предупреждали жителей поселка о моем приближении.

И вмиг из хижин высыпал народ. Целая толпа эскимосов окружила меня. Они трясли меня, щупали, тащили за платье, смотрели мне в лицо и кричали изо всех сил. Слов их я понять не мог, но «маниктуми» разбирал отлично.

Ближе всех ко мне стоял молоденький эскимосик, почти мальчик, с смуглым личиком и живыми блестящими глазками. Это и был Манни. Я невольно засмотрелся на него — так он был красив. Эскимосы западного берега Гренландии, которых мы встречали раньше, все были некрасивы, с большими головами и широкими приплюснутыми носами. А среди этого эскимосского племени попадались порой прямо красавцы. И Манни был одним из них.

Он стоял, держа одной рукой мое платье, а другую прижав к себе. А глаза его смотрели на меня с восторгом и умоляюще. Я понял: ему очень, очень хотелось, чтобы каблуна пошел с ним.

А на дворе было 20° мороза и каблуне хотелось отдохнуть и поесть. Я улыбнулся и взял Манни за руку. Он тоже засмеялся, показывая свои белые зубы, закивал и потянул меня за собой. Рядом с нами шел другой эскимос, постарше. Это был приемный отец Манни. Аतिकлеура.

Еще несколько минут — и мы очутились в просторной хижине Аतिकлеуры. Мы пробрались в нее ползком через небольшое отверстие, находившееся на уровне земли, потому что эскимосы в своих зимних хижинах никогда не делают дверей.

Это был самый замечательный из всех домов, какие мне приходилось видеть. Он весь был сделан из . . . снега! И пол, и стены, и крыша, и даже стол, и даже нары, служившие постелью — все было снежное. На снежном столе стояла каменная лампа, и в ней веселым, ярким огоньком горело тюленьё сало. Над огнем в котелке таял снег, превращаясь в воду для питья.

Было тепло и уютно, а мягкие оленьи одеяла, разостланные на нарах, так и манили ко сну усталого, продрогшего каблуну.

Но спать было нельзя — пришли гости: все мужчины поселка собрались в хижину Аतिकлеуры приветствовать

белого человека. Принесли много сырой оленины, начался пир — и мясо трех оленей исчезло с поразительной быстротой.

В конце пира появились и женщины.

— Ма-ни-кту-ми!

Подшли, ощупали меня, поклонились и снова исчезли.

А когда все разошлись, я забрался в свой спальный мешок и сладко проспал в нем до утра.

IV. Мы знакомимся ближе.

Так началась моя дружба с эскимосами. Они любили всех «каблуна» с нашего корабля, но ко мне привязались особенно сильно. Да и я отвечал им тем же. Случалось, я приезжал на лыжах в эскимосский лагерь и оставался у них по два и по три дня. Ночевал я обыкновенно в хижине Аतिकлеуры, и Манни скоро стал моим лучшим другом.

Наступила середина зимы — декабрь месяц. Скоро у эскимосов должны были начаться зимние праздники, и в хижине Аतिकлеуры усиленно готовились к этому времени. Налунья — жена Аतिकлеуры — для своей семьи шила платья — прекрасные меховые костюмы из оленьих шкур. Но как она работала! Глядя на нее, я удивлялся все более и более: почти все она делала ртом!

Свежая шкура, снятая со зверя, всегда жирная, и сало с нее необходимо удалить. У эскимоски есть для этого специальный нож — «о л о». Им она срезывает сало, а потом расстилагает шкуру на полу и принимается ее жевать и сосать.

Я удивился.

— Зачем ты это делаешь, Налунья?

— Как, каблуна, разве ты не знаешь?

И она, смеясь, указывала мне на маленькие комочки жира, оставшиеся на шкуре после ножа. Их необходимо убрать, не то одежда будет жирная.

И эскимоска делала это ртом . . .

Когда шкура была совершенно обезжирена, Налунья просушила ее над огнем, а потом снова жевала и жевала ее в продолжение многих дней . . .

— Это, — говорила она, — для того, чтобы шкура была мягкой. Не то из нее трудно шить.

А при кройке платья зубы служили Налунье вместо мела: она делала ими метки. Но платья, в конце-концов, у нее получались красивые и отлично сшитые. Я получил от нее в подарок два прекрасных «анораке» — один мехом внутрь, а другой наружу — и с удовольствием носил их все время, что жил на севере.

Ко дню праздника все костюмы были готовы. Я с утра нарядился в свои новые «анораке» и стал ждать Манни — он обещал приехать за мной.

Вот и он, в новом меховом костюме, такой красивый и нарядный, что я сначала и не узнал его.

— Здравствуй, Манни!

— Маниктуми! Идем скорее, каблуна, праздник уже начался.

Я стал на лыжи — и мы пошли.

Эскимосский поселок был пуст, но зато праздничный «иглу» (хижина) был полон народу. Там пели, танцевали, делали гимнастику и так шумели, что у меня скоро разболелась голова. Я вышел из иглу и медленно пошел к хижине Атиклеуры. Вдруг до меня донесся громкий протяжный вой. Я сначала подумал, что это пение — пение эскимосов всегда напоминает мне вой. Но вползши

в хижину Аतिकлеуры, я остановился, пораженный странной картиной. Нет, это было не пение! В хижине царил полумрак. На нарах сидел старик — эскимосский «большой колдун» Предерик, а с ним рядом его жена — отвратительная грязная старуха. Вся семья Аतिकлеуры и его брата Пойети стояла поодаль. Лица у всех были серьезные и сосредоточенные. Старая колдунья громко кричала, старик ужасным голосом выл.

Я понял: это было эскимосское колдовство. Такую картину редко приходится наблюдать непосвященному, потому что колдовство у эскимосов — священнодействие, и посторонний не может при нем присутствовать.

Я стал у входа, в тени, но все-таки старуха заметила меня.

Ах, какой она подняла ужасный крик!

Я сообразил, что мне необходимо удалиться — и с сожалением выполз наружу.

А через некоторое время за мной вышел и Манни. Он был бледен и серьезен, и голос его дрожал, когда он сказал мне:

— Все кончено! Фредерик пронзил себя копьем . . .

Я изумился. Но, войдя в хижину, увидел Фредерика, преспокойно сидящего на нарах. Правда, на его «анораке» были две дыры — одна спереди, а другая сзади. Глядя на них, эскимосы верили, что он, действительно, пронзил себя копьем. Может-быть, и сам «большой колдун» тоже верил в это . . .

* * *

Праздники продолжались несколько дней, и каждый день «большой колдун» колдовал то в одной, то в другой хижине. Пир шел горой, мяса съедалось невероятное количество, а в праздничном иглу все время стоял невообразимый шум. В конце-концов, я устал от всего этого, и был рад, когда праздники кончились — и мы с Манни и Атиклеурой могли спокойно посидеть в хижине. Как здесь было тихо, уютно и спокойно! Атиклеура делал «каяк» — лодку для охоты на море. Манни помогал ему, связывая отдельные деревянные части крепкими жилами северных оленей. Налунья шила, а я курил свою трубку и наслаждался покоем и тишиной. Случалось, что за целый вечер не было сказано ни слова — эскимосы вообще не любят много разговаривать.

После праздников я уехал на корабль и не был в поселке около месяца. А когда снова приехал — застал странную картину: Манни ходил похудевший, и глаза его лихорадочно блестели. Атиклеура был угрюм, Налунья худа и грустна.

— Манни, у вас что-нибудь случилось?

— Мяса нет. Голодно . . .

— Где же все ваше мясо? Ведь у вас был большой запас.

— Съели. Праздниками все кончили.

— Так отчего же вы не пойдете на охоту?

— Теперь нельзя, рано: снегу мало.

— Но, ведь, тюленя вы бьете в воде, подо льдом?

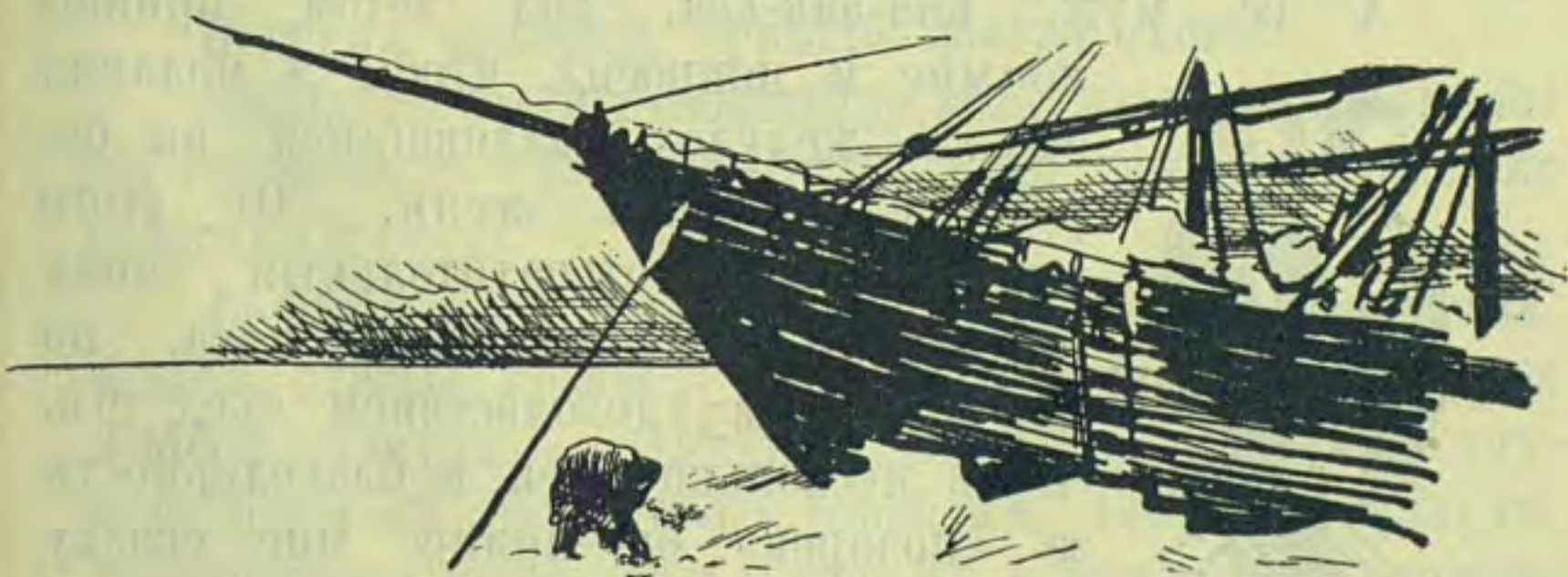
— Да. Только теперь нельзя выследить тюленя. Когда идешь по льду — он чувствует шаги и уходит далеко.

— Когда же можно будет охотиться?

— Потом, когда снега будет больше.

Действительно, позднее, в середине февраля, снега на лед наносит так много, что он лежит сугробами в несколько метров толщиной. Тогда осторожные шаги охотников не отдаются подо льдом и не пугают зверя. В это время нетрудно выследить самого умного тюленя — и тогда у эскимосов начинается настоящая «большая охота». А январь и половина февраля до большой охоты — месяцы голодные. Даже у хороших охотников, как Аतिकлеура, к этому времени не остается запасов. А кто ленив или охотится хуже — тому в голодное время приходится совсем плохо. У Аतिकлеуры был сосед, Каа-аак-кеа. Он был беден, и запасов у него не было никаких. Жена его Поонарлу и ее трое маленьких детей очень ослабели от голода.

Раз я увидел Поонарлу недалеко от нашего корабля. Казалось, она чего-то ищет.

— Что ты делаешь, Поонарлу?

Она немного смутилась.

— Если каблуна позволит, Поонарлу возьмет... вот это.

И она показала на валявшиеся в снегу мерзлые извержения наших собак. Мы кормили собак сушеной рыбой и салом. Собаки плохо переваривали эту пищу и с извержениями выбрасывали непереваренные остатки. А бедная голодная Поонарлу подбирала их и кормила ими своих детей.

Я ужаснулся.

— Пойдем, Поонарлу, я дам тебе еды.

Я повел ее на корабль и дал ей рыбы, мяса и сала. Бедная женщина обезумела от радости. Но когда она уходила, я видел, что она все-таки подбирала извержения.

А ее муж, Каа-аак-кеа, раз летом пришел ко мне и попросил, чтобы я подарил ему... желудок, валявшийся на берегу с прошлой осени. От этого желудка шел отвратительный запах падали и разлагающегося мяса, но Каа-аак-кеа с удовольствием съел его. Через несколько дней в благодарность за «подарок» он принес мне связку великолепных форелей...

V. «Большая охота».

— Скоро ли можно будет охотиться, Манни?

— Скоро, каблуна! Видишь, снегу уже много.

И Манни тоскливо глядел на снег. Он так давно не ел мяса . . .

Я тоже с нетерпением ждал февраля. Эскимосы согласились взять меня с собой на охоту, а я еще никогда не видел, как бьют тюленей. Я считал дни, и каждый раз, как начинал итти снег, сердце мое радостно билось: может быть, через два-три дня можно будет выйти на охоту.

И время, наконец, пришло: завтра охота!

Эскимосы были необычайно возбуждены. Только бы эта охота была удачна! Тогда живо забудутся всякие невзгоды и голод.

Вечером в большом иглу устроили веселый праздник. Манни, одетый в свой лучший выпитый костюм, принес с собой калауди — единственный музыкальный инструмент племени, нечто вроде барабана. Он бил в калауди, раскачиваясь из стороны в сторону, а остальная молодежь

собралась вокруг него в круг и «пела». Пение это было ужасно, но эскимосы находили его отличным.

Когда праздник кончился, Манни подошел ко мне с сияющими глазами.

— Хорошо ли мы пели, каблуна? О, я так старался, чтобы боги слышали нас. Наверное, охота будет завтра удачной.

А на завтра было холодное суровое утро. Дул северо-западный ветер, и в воздухе носилась снежная пыль. Но лагерь ожил... В восемь часов утра в иглу собралось человек сорок эскимосов. Это были все мужчины в возрасте от 15 до 50 лет. У каждого из них через плечо, на ремне из тюленьей кожи, висел охотничий мешок. В нем лежали охотничьи принадлежности. Многие вели собак.

И Манни был здесь, торжественный и серьезный. Ему было 15 лет, и это была его первая большая охота.

Часов в девять вышли из иглу. Сначала пошли все вместе, но когда дошли до льда — разделились на отряды. По льду каждый отряд пошел отдельно, в разные стороны. Я шел неподалеку от Манни. Впереди бежали собаки.

Вдруг собака Манни отбежала в сторону и распласталась на снегу. Манни вздрогнул: тюлень! Через мгновение он был уже возле собаки и проткнул в этом месте снег палкой. Потом сбросил на землю свой мешок и принялся расчищать снег вокруг палки. Я взглянул: под снегом во льду оказалось большое отверстие. Сюда подплывает тюлень, чтобы подышать свежим воздухом.

Но, может-быть, это старое, давно покинутое отверстие? Манни пытается узнать это. Он распластывается животом на снегу и нюхает дыру. Обоняние у него острое, и когда он поднимает голову — на лице его написан восторг: да, тюлень был здесь и скоро, наверное, опять будет. Его запах хорошо слышен...

Манни кричит от радости. Потом снова тщательно закрывает отверстие снегом.

— Это, — объясняет он мне, — чтобы тюлень не пугался, если подойдет раньше времени.

— Но как же ты узнаешь, Манни, приближение тюленя?

— Это я сейчас покажу каблуне.

И Манни устраивает для себя охотничий наблюдательный пункт. Он прокапывает в снегу ямку, доходит до отверстия и открывает в нем небольшую дырочку — не больше сантиметра в поперечнике. А затем он устанавливает здесь охотничий прибор, по которому узнается приближение тюленя. Это два заостренных оленьих рога, один сантиметров 20 длины, другой вдвое длиннее. Оба рога сверху соединены тонким длинным шнурком, а на острие более длинного прикреплена костяная пластинка, чуть поменьше десятикопеечной монеты.

Я стоял и смотрел на Манни, боясь пошевелинуться. Меня предупредили, что на снегу во время охоты на тюленей надо двигаться как можно меньше. Но как ловко работает маленький Манни! Совсем, как заправский охотник. Он берет свой прибор — эскимосы называют его «илла» — и втыкает короткое острие в снег, а длинное он пускает в самое отверстие, так что костяная пластинка попадает в воду. Нить, которая соединяет оба острия, спокойно лежит на снегу.

Теперь Манни раскладывает остальные охотничьи принадлежности. Главное из них — гарпун. Это железное, заостренное на конце копьё, насаженное на длинное

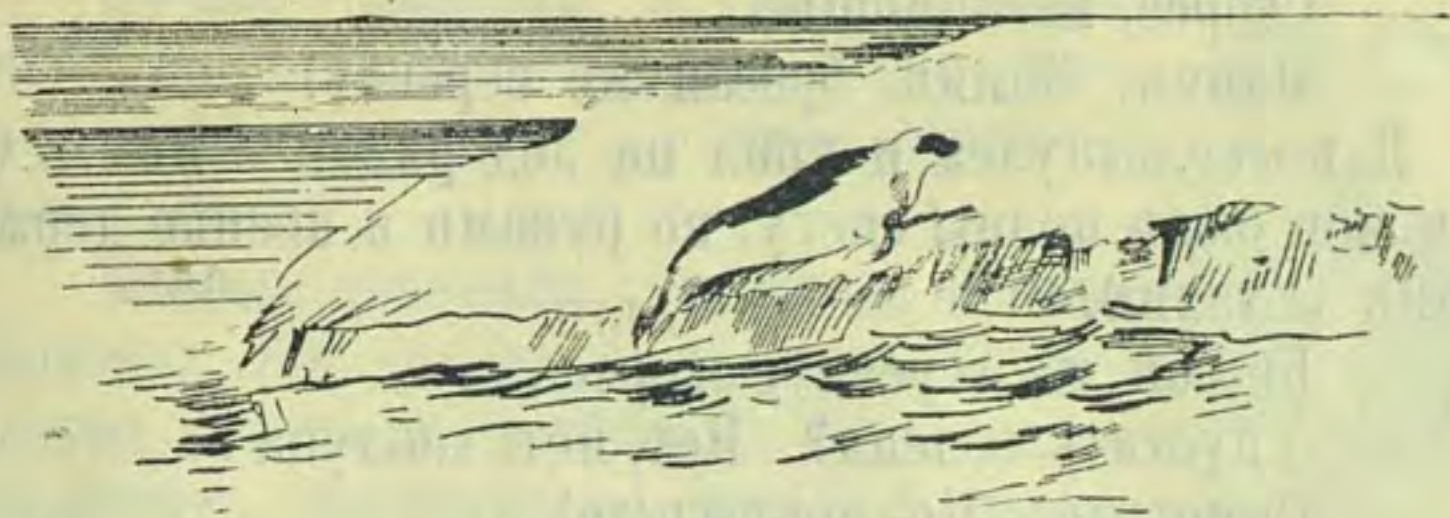

древко. К острию гарпуна привязана крепкая и длинная веревка, сплетенная из оленьих жил.

Манни крепко держит веревку левой рукой. В правой руке у него древко гарпуна. Глаза у него устремлены на «илла», все мускулы напряжены. Он ждет, он готов к удару.

Невольно и я заражаюсь его настроением и тоже смотрю на «илла». А сердце у меня бьется, бьется...

Костяная пластинка мерно покачивается на воде и то опускается, то поднимается. Вдруг я вижу, что длинный рог скользнул, опустился вниз, а соединительная нить натянулась.

Я знаю, что это значит, Манни объяснил мне. Это тюлень высунул морду из воды и, отталкивая льдинки, оттолкнул и пластинку «илла».

Манни тоже это видит. С быстротой молнии он втыкает копьё в отверстие. Острие гарпуна пронзает кожу тюленя. Охотник попал, ошибки быть не может.

Манни тащит копьё обратно, — но вытаскивает только древко. А острие не выскальзывает, потому что к нему, в самом конце, приделаны два небольших, немного загнутых назад крыла. Они задерживают оружие в теле животного.

Раненый тюлень вместе с гарпуном уплывает. Но к гарпуну прикреплена веревка, и другой ее конец Манни крепко держит в руке. Тюлень может уплыть только настолько, насколько позволит веревка. А потом он должен вернуться к отверстию, чтобы вдохнуть воздух. Если он не вернется — он умрет.

Манни ждет. Он крепко держит веревку. А я, не отрываясь, слежу за ним.

Как покраснело его лицо! Должно быть, ему трудно держать веревку. Вот он вцепился в нее обеими руками. И вдруг я увидел, что он упал, а голова его и плечи скрылись под снегом.

Я бросился к нему. Он лежал на льду, прямо над отверстием. Руки его и плечи были подо льдом. Голова еще держалась, но казалось, что вот-вот и она погрузится в воду.

Я услышал крик. Это кричал Манни:

— Скорее, на помощь!

— Манни, Манни, бросай же веревку!

Я поскользнулся и упал на лед рядом с ним. Сапоги мои были полны снегом, но руками я крепко держал Манни за талию.

— Бросай же веревку, скорее . . .

— Упустить тюленя? Нет, нет, каблуна . . .

— Помогите. По-омо-о-ги-те! . .

Мышцы Манни напряглись до последней степени. Он терял силы. Но веревку в ледяной воде продолжал крепко держать.

Как мне помочь упрямому мальчику? Я делаю усилие и стараюсь вытащить его из воды, но это мне не удается. Тюлень, как видно, сильнее нас обоих . . .

— Атиклеура, Пойети, Толимао! Сюда! Скорее . . .

Я чувствую, что еще немного — и голова Манни не выдержит и погрузится в воду.

— Брось веревку, Манни, ну, брось же, глупый мальчик! Ты поймаешь после другого тюленя, не такого большого и сильного.

Но Манни отрицательно качает головой.

— Нет . . .

Губы его посинели, вены на шее вздулись. Кричать он больше не может. Я лежу на льду рядом с ним, держу его и кричу, что есть мочи. Неужели никто не услышит нас?

Но нас услышали. Я увидел, что по снегу, по направлению к нам, бегут эскимосы: один, два, три . . . пять человек, целый отряд.

Первым прибежал Аतिकлеура, за ним Толимао. Вот они рядом с нами, и Аतिकлеура молотком пробивает лед, чтобы увеличить отверстие. А руки Толимао уже подо льдом. Они выхватывают у Манни веревку и вытягивают ее на поверхность. А Аतिकлеура вытаскивает из воды самого Манни и кладет его на снег.

Но первая и главная забота их — о тюлене. Он, должно-быть, очень велик — вон, ведь, какое отверстие прорубил для своей морды. Толимао крепко держит веревку, Аतिकлеура ему помогает. Вот натяжение веревки слабеет: тюлень возвращается. Толимао передает веревку Аतिकлеуре и тот собирает ее в петли. А сам берет в руки оленью рогатину и ждет . . . Вот надо льдом показалась морда замученного зверя.

— Р-раз!

Железное древко рогатины мгновенно вонзилось ему в глаз и глубже, в мозг. Теперь все кончено, тюлень мертв.

Толимао прокалывает отверстие в верхней губе и в щеке его и протягивает через них ремень. За этот ремень он хочет вытащить мертвого зверя из воды. Но зверь велик и в отверстие не проходит. Помогают подоспевшие товарищи: они прорубают лед и помогают вытащить добычу.

И вот тюлень уже на снегу. Какой он огромный! Неужели Манни один удерживал его на веревке? Манни — мальчик. Он в первый раз самостоятельно охотится на тюленей. Эскимосы с восхищением смотрят на него. Какой он молодец, этот Манни!

Манни счастлив и горд. Я подошел к нему и положил руку к нему на плечо.

— Ну, что, Манни?

— О, каблуна! Какой тюлень...

— А ты молодец, Манни.

— Я играл вчера калауди, молился. Боги услышали меня.

Лицо у Манни серьезное. Он твердо верит, что это его боги дали ему силы удержать тюленя.

Эскимосы столпились вокруг тюленя, смеются, громко кричат и смотрят на Манни. Они чего-то ждут.

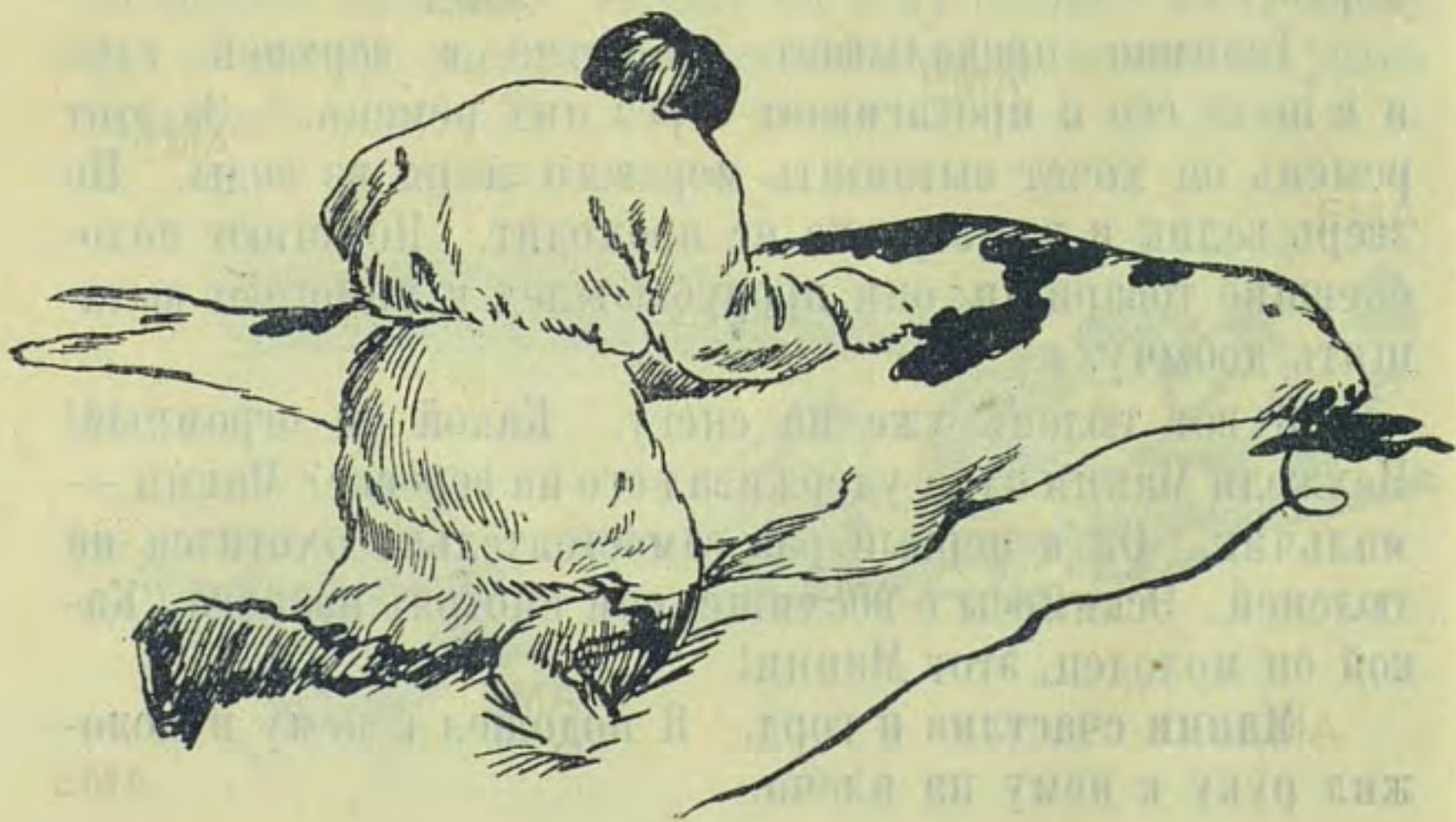
— Манни!

И старый эскимос произнес что-то, чего я не понял. Манни встрепнулся. Он забыл, что удачливый охотник должен угостить товарищей. С важным видом подошел он к тюленю, вытащил из сапога свой нож и разрезал ему живот. Из раны потекла кровь, но никто не обратил на это внимания.

— Это тебе, Аतिकлеура!

Манни с поклоном подал отцу кусок жирной тюленьей почки.

— А это тебе, Пойети. Тебе, Толимао, тебе, Каа-аак-кеа!

Почки и печень живо разделены. Все с наслаждением едят. Как давно не лакомились они свежим мясом! А вот и сало... Манни режет его на небольшие куски.

— Манни, а ты почему же не ешь?

— Погоди, мне нельзя. Видишь, у тюленя кровь течет.

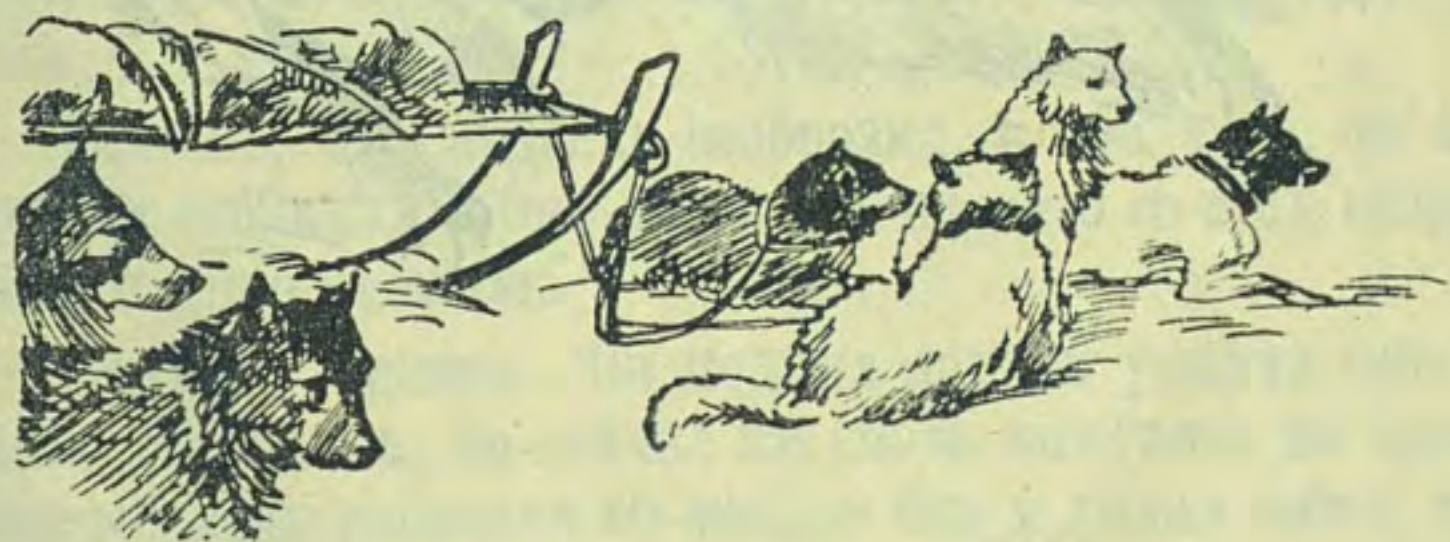
Я хорошо это видел, но не знал, как Манни сможет остановить кровотечение. Но зато Манни хорошо это знал. Он нарубил мелких льдинок, смешал их со снегом и получившуюся массу положил прямо на рану. Масса быстро затвердела. Получилась отличная повязка.

— Видишь? Вот и крови нет.

Манни торжествовал. Он слышал, что каблуна — волшебники, и все могут. А оказывается, они ничего не знают, не умеют даже остановить простого кровотечения у тюленя.

— А теперь дайте мне мое сало!

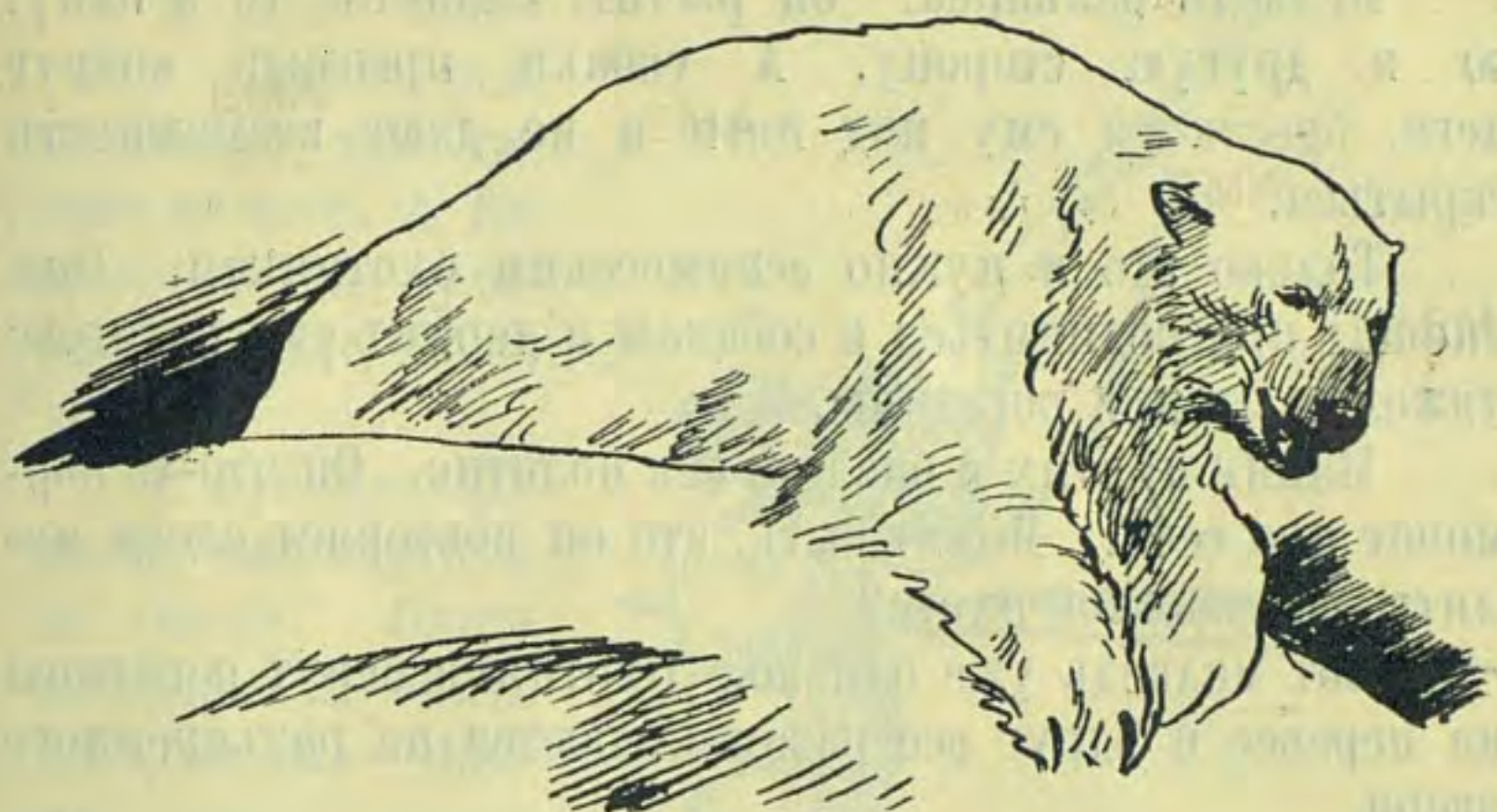
Охотники расступаются и дают Манни дорогу. Все смотрят на него с уважением.

Манни важно проходит к тюленю, садится и принимается за еду. Все молча ждут, пока он кончит.

Готово . . . Пора отправляться домой. Добычу везут запряженные ремнями собаки. Манни идет рядом со мной и без умолку болтает. Я не все могу разобрать в его оживленной речи, но улыбаюсь его радости и согласно киваю головой.

VI. Манни убивает медведя.

Собаки бежали впереди. Тюленя тащили только три из них, остальные были свободны.

Вдруг они остановились, понюхали воздух — и с бешеной скоростью кинулись куда-то в сторону.

Эскимосы заволновались.

— Медведь! Белый медведь...

И в самом деле, вверху, на нагроможденных друг на друга льдинах показалась огромная неуклюжая медвежья туша.

Раньше, чем медведь сообразил, в чем дело, он был окружен собаками. Они кидались на него со всех сторон, лаяли и дико визжали.

Медведь взревел. Он поднял лапу и ударил собаку. Собака отскочила, но сейчас же снова кинулась на врага. Лапы медведя работали во-всю, он бил и кидал собак, стараясь проложить себе путь меж несносных животных. На миг это ему удалось: он пробился и побежал. Но собаки кинулись за ним и снова его окружили, ловко ускользая из-под ударов его тяжелых лап.

Медведь разъярен. Он рычит, кидается то в одну, то в другую сторону. А собаки прыгают вокруг него, бросаются ему под ноги и не дают возможности скрыться.

Только это и нужно эскимосским охотникам. Они спешат присоединиться к собакам и держат уже наготове тяжелые оленьи рогатины.

Манни притих и бледен, как полотно. Он что-то бормочет про себя. Может-быть, это он повторяет слова молитвы об удачной охоте?

Вот медведь уже близко. Охотники берут рогатины на перевес и вдруг все разом кидаются на разъяренного зверя.

Медведь не остается в долгу. Он размахивает своими лапами и бросается на охотников — то на одного, то на другого. Толимао не успел отскочить — и тяжелая медвежья лапа легла к нему на плечо. Но в это время Пойети сзади ударил медведя рогатиной. Медведь взвыл и повернулся назад. Но Пойети был уже далеко, а за ним отскочил и Толимао.

Удары рогатины сыпались на бедного зверя, как град. Он ревел и выл и то и дело задевал лапами своих обидчиков.

Вдруг он остановился, огляделся — и пошел прямо на Манни. Какой Манни маленький и хрупкий рядом с огромным зверем! Он держит свою рогатину наготове и ждет. Я вижу, как ярко блестят его черные глаза. И, кажется, он ничего не видит, кроме приближающегося зверя. Почему он стоит так неподвижно? Может быть, он испуган? Но еще мгновение — и медведь сорвет с него череп!

Мне делается страшно, и я поднимаю свое ружье. Но выстрелить я не успеваю. Манни нагибается, лапа медведя опускается в воздух, а в его раскрытую пасть вонзается рогатина.

Медведь испускает дикий рев, но Манни уже далеко от него. А Тобияс сзади ударяет медведя по черепу.

И вот медведь лежит уже мертвый на снегу. Охота кончена. И опять победитель — Манни.

— Каблуна... Я получу сегодня две шкуры, тюленью и медвежью. И тюленьи кишки.

— Да, Манни, и ты — храбрый охотник. Я подарю тебе ружье.

* * *

Вот мы и дома. Мясо и сало убитых животных разделяется между всеми. Шкура и кишки остаются в доме Атиклеуры.

Манни, как и отец, молча протягивает ноги матери. Он теперь большой охотник и ему не пристало много говорить. Мать стаскивает с него сапоги и он ложится на нары рядом с отцом. Так приятно вытянуться после трудной охоты!

Хорошо теперь в снежной хижине. В лампу положено много сала и она дает яркий свет. Над огнем висит горшок, в котором разогреваются тюленьи кишки.

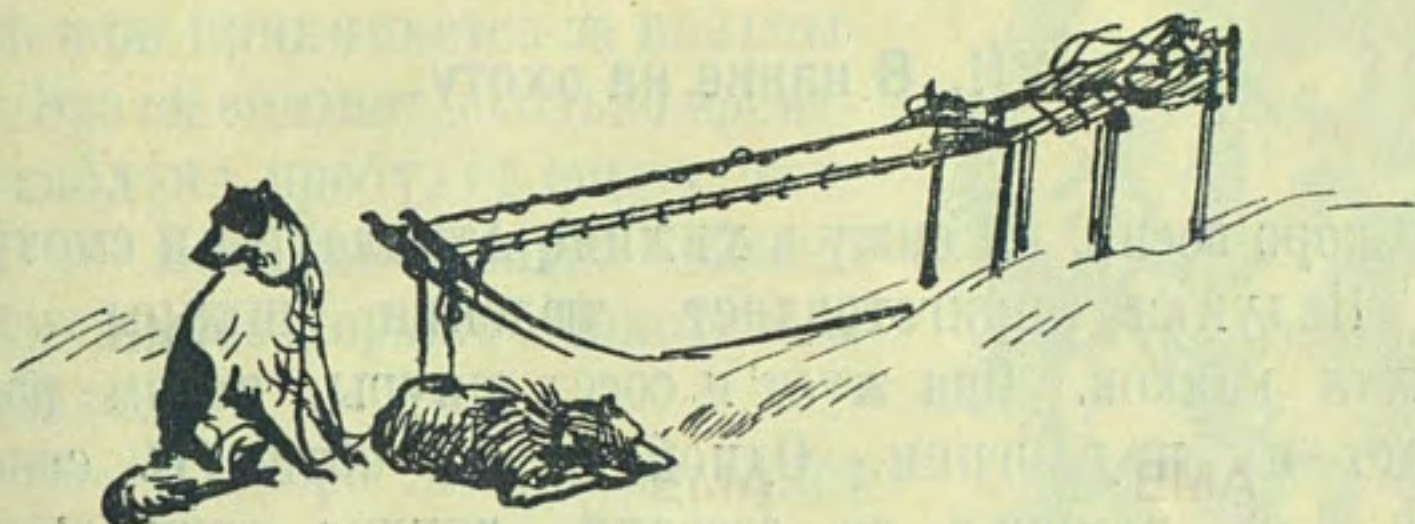
Маленький Анни, сын Атиклеуры, получил уже от матери кусок кишки. Он ест его, сидя на нарах, и искоса поглядывает на своего важного брата: ему хочется спросить его о сегодняшней охоте.

— Манни! Расскажи, как ты убил медведя.

Но Манни окидывает его презрительным взглядом и ничего не отвечает. Он теперь мужчина и нечего ему возиться с малышами.

Анни тихо вздыхает. Ах, как он завидует Манни! И как ему хочется вырасти скорей и тоже пойти на охоту . . .

VII. В каяке на охоту.

Скоро весна. Я сижу в хижине Аतिकлеуры и смотрю, как Налунья prepares тюленьи шкуры для обтяжки каяков. Она жует и сосет шкуры, потом разогревает их над огнем. Одной ей не обтянуть своего каяка — ей помогут ее соседки, другие эскимосские женщины. Но зато и она придет помогать им обтягивать их каяки.

Манни сидит возле меня на нарах. Я уже довольно хорошо выучился по-эскимосски, и теперь кое-как рассказываю ему про «каблуна-нуни» — страну белых.

Манни слушает, затаив дыхание.

— Манни, поедem с нами в каблуна-нуни?

Глаза Манни расширяются. Он прикладывает руку к сердцу.

— Каблуна возьмут меня с собой?!

— Возьмут.

Нам, действительно, очень хотелось в дальнейшем путешествии иметь с собой на корабле эскимоса и, если он захочет, впоследствии взять его с собой в Европу. А к Манни, к тому же, все мы были сердечно привязаны.

— Когда же каблуна уедут?

— Когда кончится зима и пройдет лето, а потом снова наступит и кончится зима.

Манни берет себя за большой палец.

— Сегодня у нас икиакпарни (март, солнце поднимается). Потом, — он берет указательный палец, — авонири (апрель, тюлень родит детенышей), потом неттка-лерви (май, молодые тюлени идут в воду), каваруки (июнь) . . .

Манни перебирает палец за пальцем. Пальцев рук не хватило и он принимается за пальцы ног. Это он считает, сколько времени каблуна пробудут еще у них.

— Как еще долго! Можно будет не раз хорошо поохотиться в каяке.

— А скоро ли можно будет охотиться в каяке, Манни?

— Когда солнце станет высоко и лед растает.

Теперь наступила моя очередь грустно сказать:

— Как еще долго . . .

Но время шло, солнце поднималось все выше, дни становились больше. И наступил, наконец, день, когда можно было выехать в каяке на охоту.

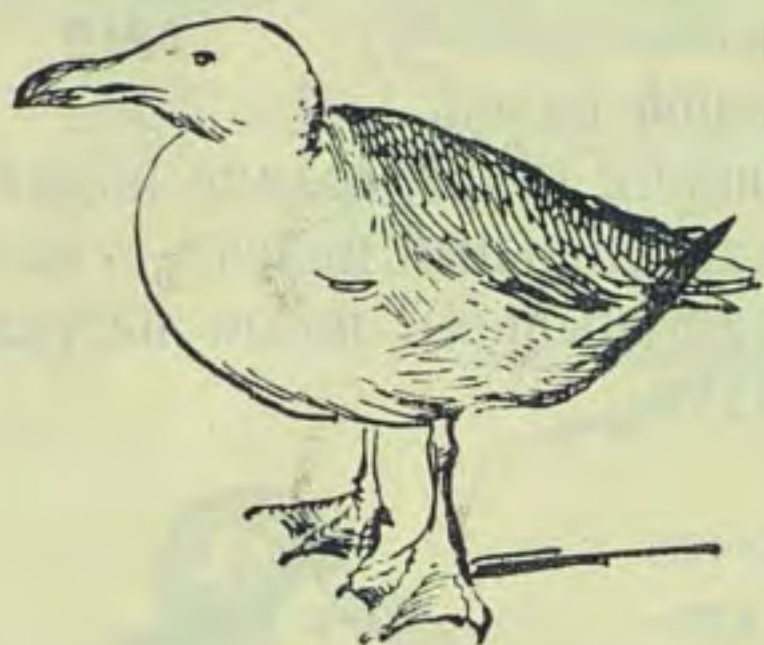
В этот день жизнь в эскимосском поселке началась задолго до рассвета. Из хижин выползали эскимосы, вытаскивали свои каяки, оглядывали небо, чтобы узнать, какова будет погода.

Я крепко спал в своем спальном мешке, когда Манни разбудил меня.

— Пойдем, каблуна. Надо вытащить на берег каяки.

Для меня в хижине Аतिकлеуры нашелся старый, но прочный каяк. Налунья обтянула его новой шкурой — и вот я готов ехать рядом с Манни.

На берегу стояло уже много каяков. Возле них — их владельцы, одетые в теплые шубы.

Выезжаем. Погода тихая. Мы покидаем теснины и бухты и скоро выплываем в открытое море. Часа через два добираемся к месту ловли.

Светло. Со всех сторон видно, как высовываются из воды большие головы тюленей. Каяки разбегаются по воде.

Совсем недалеко от нас вынырнул из воды тюлень. Манни привстал: это добыча. И, прижавшись к каяку, он гребет так тихо, что ударов весел не слышно. Я стараюсь подражать ему, и мы скользим по воде, не производя ни малейшего шума.

Но все-таки тюлень заметил нас. Миг — и он погрузился в воду.

Манни с досадой бросил весла. Теперь надо ждать, пока тюлень снова вынырнет.

Однако, долго ждать нам не пришлось. Прошло несколько минут — и голова тюленя снова показалась над водой. Море было так спокойно, а солнце грело так ласково. Тюлень не подозревал, что враг близко. Он нежился и резвился, раскачиваясь по воде взад и вперед.

Каяк подвигался все ближе и ближе к тюленю. Вот можно уже бросить гарпун. Манни приподнялся, посмотрел, в порядке ли оружие, взмахнул раза два веслом...

Еще секунда — и метко брошенный гарпун вонзится в тело тюленя... Но тюлень взмахнул хвостом и спокойно скрылся под водой.

Манни не на шутку огорчен. Ведь чуть-чуть он не убил тюленя!

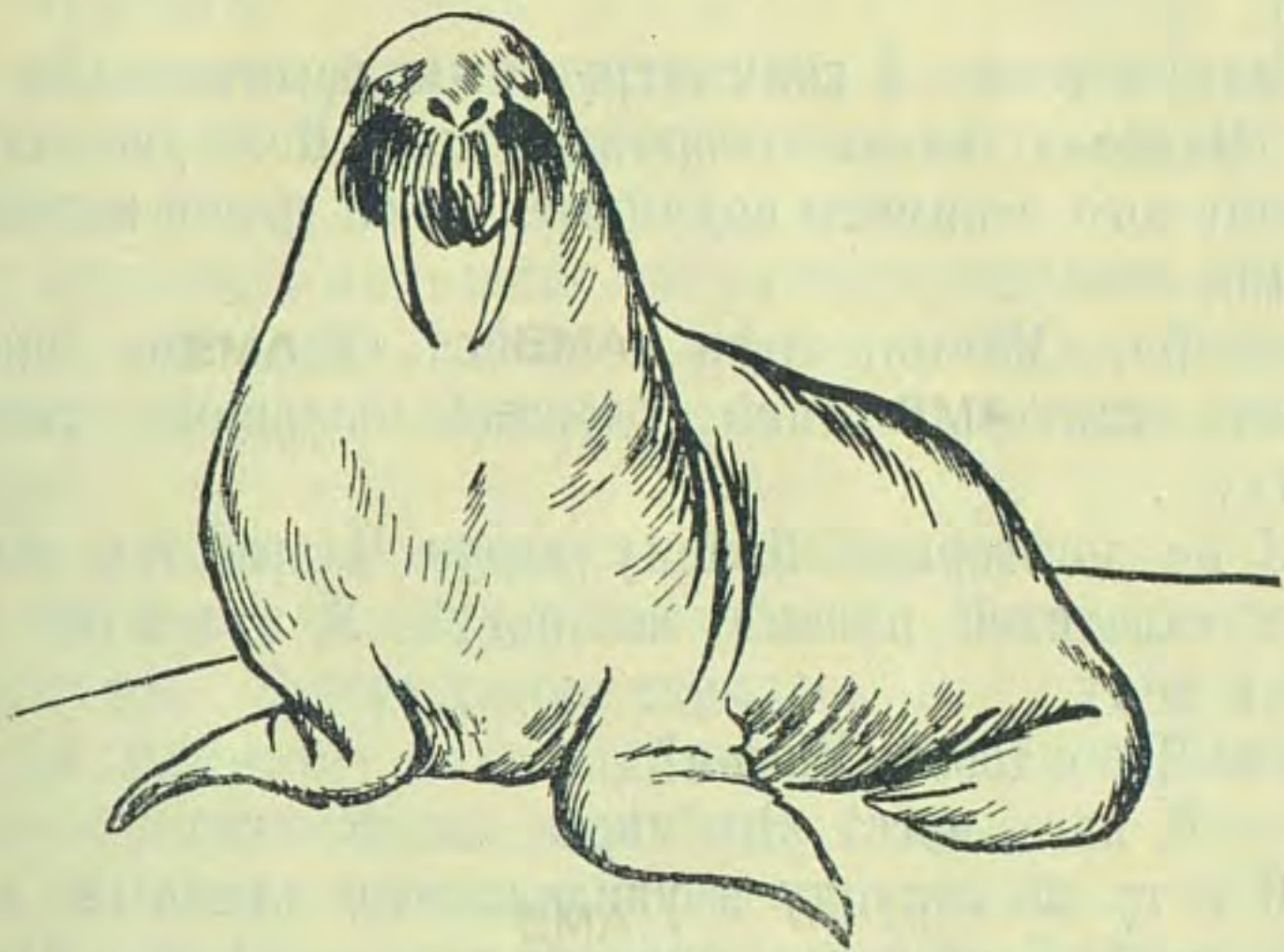
Я, как могу, успокаиваю его:

— Ничего, Манни, не беда. Тюлень не испугался, он скоро вынырнет снова.

— Конечно!

И Манни уже смеется: эскимосский охотник привык ждать. Он только поудобнее уселся, и мы долго просидели с ним так, не разговаривая и оглядываясь по сторонам.

Вдруг мы увидели на льдине, недалеко от нас, великолепного моржа. Это было огромное животное, метров

около пяти длиной. Шкура его блестела на солнце, а клыки зловеще свисали вниз.

Манни встрепнулся.

— Морж! Каблуна...

— Да, Манни.

На лице Манни отразилось беспокойство.

— Как быть, каблуна? Нападать или нет?

Манни знал, что охотиться на моржей опасно. Может-быть, поблизости есть еще моржи, и тогда они все нападут на наши каяки.

— Нападать или нет?

Манни не был трусом. Напасть на моржа ему очень хотелось. Это такой хороший, большой морж.

Еще минуту постоял он в раздумьи, а потом нацелился — и бросил свое копьё в моржа.

Но накануне, как видно, Манни плохо молился своим богам. Потому что копьё только оцарапало кожу моржа и пролетело мимо, а животное скрылось в воде.

Манни растерянно обернулся ко мне. Опять промахнулся. Какая неудачная сегодня охота...

Я тоже был огорчен. Охотничья страсть эскимосов заразила и меня. Но я не ожидал того, что произошло потом.

Манни уселся в каяк с грустным, расстроенным лицом. Неудача очесь огорчила его. Нет добычи... А, кроме того, эскимосы подумают, что он трус и неловкий охотник.

— Нет, Манни, этого не бойся. Все еще хорошо помнят, как ты зимой удержал большого тюленя и убил...

Я не договорил. Почему вдруг Манни так закричал и схватился руками за ногу? Я в испуге бросился к нему.

— Что с тобой, Манни?

— О, нога, нога! Это морж... Помогите!

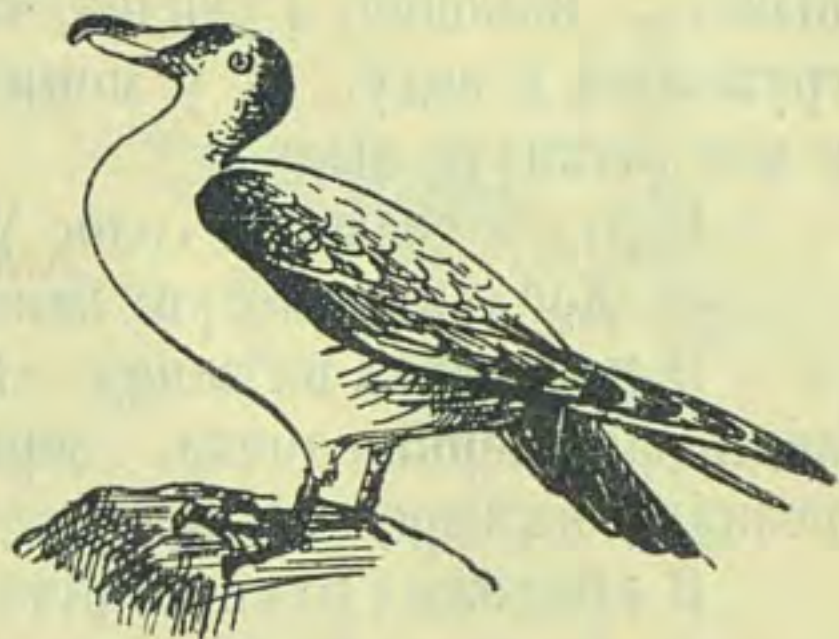
И в ту же секунду я увидел, что длинный клык моржа, пробив дно каяка, пронзил насквозь бедро Манни. Хитрое животное снизу напало на каяк!

Мне нужно освободить Манни от моржа, но как это сделать — я не знаю. Я обнял его одной рукой и попробовал сдвинуть с места, другой рукой поднимая раненую ногу. Каждое движение причиняло ему нестерпимую боль, но он молчал и мужественно старался помочь мне: сам поднимал пронзенную клыком ногу...

Вдруг рука Манни крепко сжала мое плечо. Он побледнел еще сильнее и опять закричал. Я посмотрел на его ногу и увидел, что клык моржа шевелится в ране. Очевидно, животное хочет освободиться.

— Манни, голубчик, потерпи немного! Сейчас ты будешь свободен.

И действительно, одно резкое движение— и ужасного клыка уже нет. Из раны брызнула кровь. Манни в изнеможении опустился на дно каяка. Новтужесекунду голова моржа показалась сбоку, над водой.

Стрелять!

Я схватил ружье и выстрелил. Когда дым рассеялся, я увидел, что голова моржа бессильно опускается в окрашенную кровью воду.

Опасность миновала. Теперь надо подумать о Манни.

Я обернулся. Манни приподнялся и смотрел на моржа. И вдруг, собрав все свои силы, бросил в него свое копьё.

— Каблуна, веревку . . . веревку бери!

Но брать веревку было незачем: Манни опять промахнулся. Голова моржа скрылась . . .

Я был этому даже рад, потому что морж был слишком велик для наших маленьких каяков.

Но Манни громко, жалобно заплакал.

— Манни, о чем же ты плачешь? Ведь мы бы все равно не дотащили моржа одни. Мы далеко в море, в твоём каяке течь.

— О, каблуна, каблуна! Потерять такую добычу.

И Манни заплакал еще громче.

Я пожал плечами и принялся перевязывать его раненую ногу. Невеселые мысли бродили у меня в голове. В каяке Манни вода. Того и гляди, он пойдет ко дну. Манни ослабел от потери крови и плыть не сможет. К тому же, небо покрылось тучами, поднимался ветер.

Как-то мы доберемся до берега?

Мы медленно-медленно подвигались по волнам. В каяке набиралась вода, которую мы не успевали вычер-

пывать. Наконец, я увидел, что нос каяка понемногу погружается в воду. А у меня не было ничего, чем бы я мог заткнуть дыру.

Вдруг я услышал голос Манни:

— Каблуна, смотри: каяки.

Я посмотрел на запад. В самом деле, на горизонте виднелась черная точка. Зоркие глаза Манни сразу распознали эскимосский каяк.

Я приложил руки ко рту, и что было силы закричал:

— Сю-ю-да-а! На по-о-омощь!

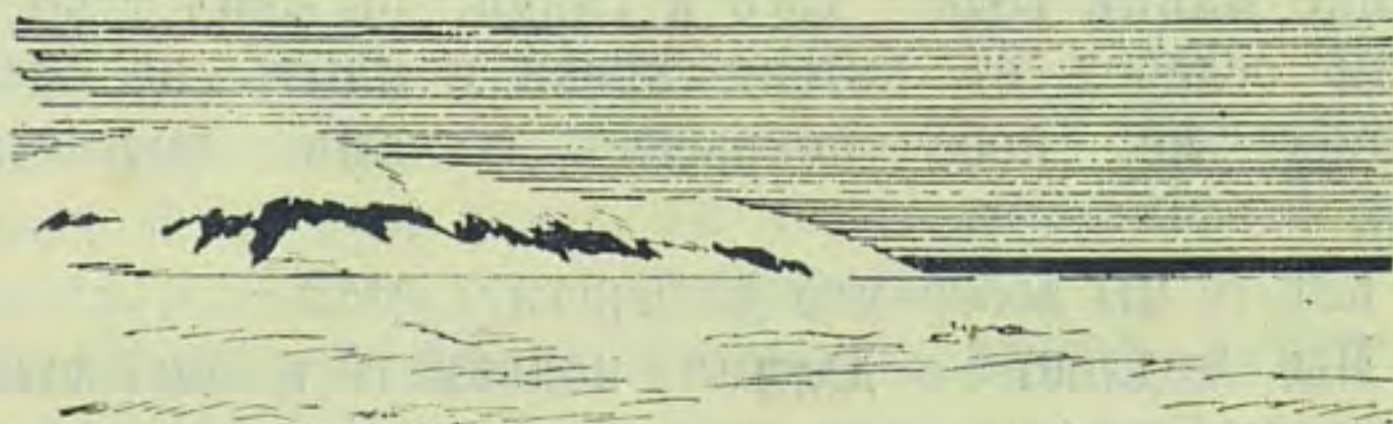
До нас донесся ответный крик: нас услышали.

Два каяка спешили к нам на помощь. В одном сидел Тобияс, большой и сильный мужчина, в другом — Уку — мой приятель. Через несколько минут они были возле нас.

Куском кожи кое-как заткнули дыру и взяли каяк Манни на буксир. Казалось, опасность миновала.

Неужели спасены? Я внимательно поглядел на Манни. Он, обессиленный, полулежал на дне каяка. По лицу его текли слезы от боли и от огорчения. Еще бы! Тобияс вел на буксире крупного тюленя, а он, Манни, который убил медведя, едет сегодня домой без добычи!

Но меня горе Манни не волновало. Гораздо больше беспокоила меня его нога. Я заметил, что повязка промокает, — значит, кровотечение еще не остановилось. У меня оставался еще кусок бинта и носовой платок — и кое-как я подбинтовал рану. Но тревога не покидала меня. Скорее бы добраться домой!

А погода становилась все хуже, ветер крепчал. Тобияс тревожно глядел на небо.

— Быть буре.

— Эх! — Уку крикнул.—

Нехороша буря с юга...

Я и сам хорошо это знал: не раз приходилось мне переживать бурю с юга, всегда налетающую стремительно и сильно взбаламучивающую море. Но одно дело — на оснащенном корабле, и другое — в маленьком утлом каяке.

Нужно скорее на землю. Эскимосы налегают на весла, и каяки легко и быстро скользят по воде. По дороге к нам присоединяется еще несколько каяков: все стараются держаться вместе.

Мы летим вперед. А сзади слышен уже шум — это надвигается буря. Высоко, почти до неба, вздымаются волны. Нет, это, должно-быть, не волны, а огромные водяные горы. Из-за водяных брызг ничего не видно. Но мы знаем, что земля еще далеко...

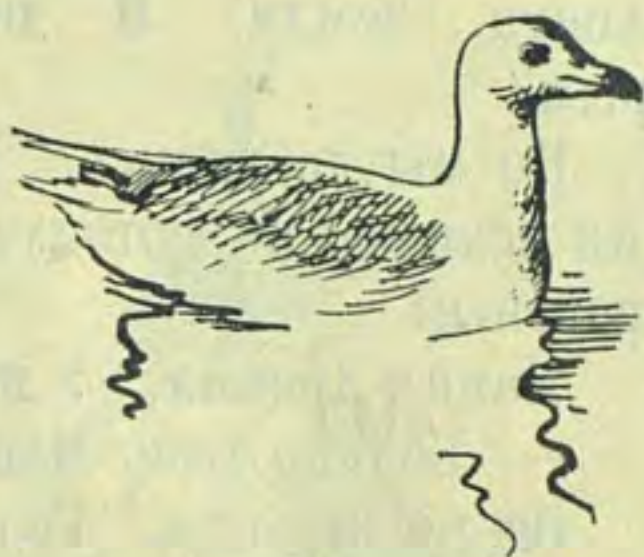
Вдруг Уку, мой сосед, быстро всунул весла в ремни и всем корпусом наклонился вперед. Не успел я сделать то же самое, как прямо на нас обрушилась огромная водяная масса. На мгновение все исчезло.

Волна схлынула. Но где же каяк Тобияса, который плыл рядом с нами? Мы напряженно всматриваемся в мглу.

Вот он — перевернулся, стоит почти отвесно — тюлень тянет его вниз. А вот и голова Тобияса и его руки. Он поддерживает Манни, каяк которого тоже перевернулся и который не в силах плыть.

Я подхватываю Манни. Уку и Тобияс переворачивают каяк, и вот Тобияс уже на месте. А затем в каяк помещается и Манни.

И еще, и еще набегал на нас вал. Два раза перевернулся каяк Пойети, раз каяк Алеингана. Скоро ли,

наконец, земля? И доберемся ли мы живыми до берега?

Но мы добрались. И ни один каяк не пропал, ни один эскимос не потонул. Мне это казалось просто невероятным.

Манни дрожал. У него была лихорадка.

— Больно тебе, Манни?

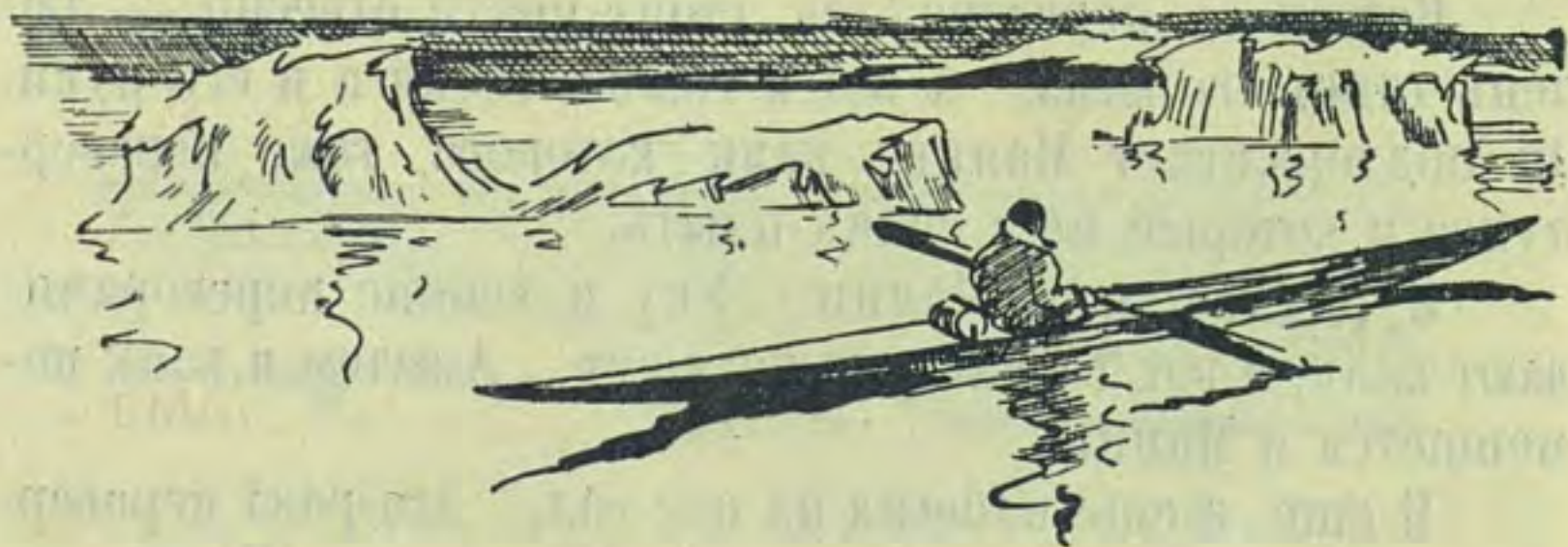
Он не отвечал. Голова его свешивалась на грудь, ноги подкашивались. Вдвоем с Атиклеурой мы кое-как дотащили его до дому. Вот, наконец, и тепло...

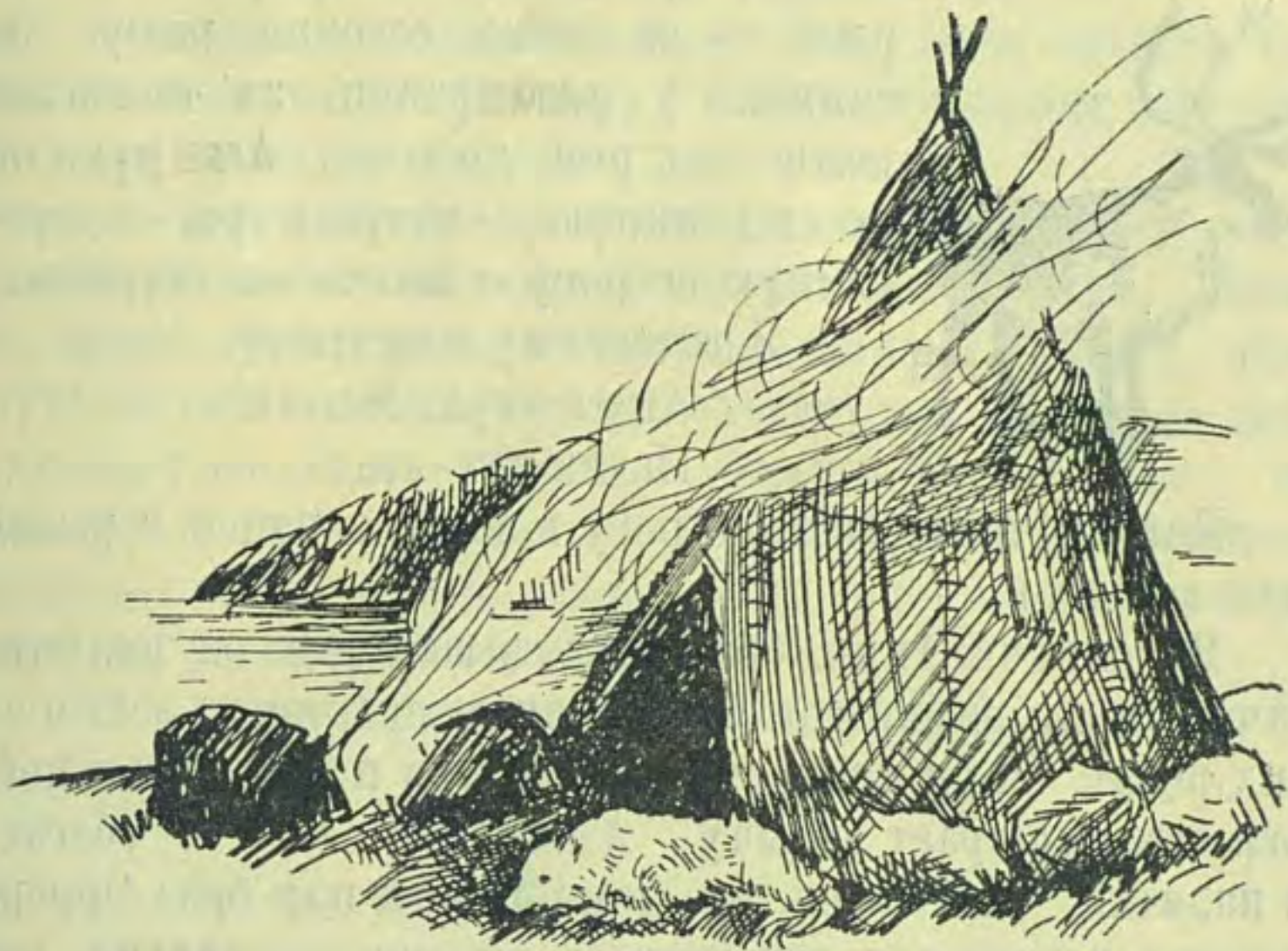
Мы уложили Манни на нары, обсушили, укутали мехом. Я занялся перевязкой. Вся прежняя повязка была пропитана кровью и водой. Края обеих ран воспалились, но кровотечение остановилось.

Ночью у Манни начался бред. Лихорадка усилилась. Я почти не спал, сидя возле него. Бедный мальчик стал мне очень дорог.

А затем потянулись долгие, тяжелые, беспокойные дни. Целых две недели Манни боролся со смертью. И целых две недели я бессменно провел возле него, отлучаясь только изредка на корабль за припасами и лекарствами.

Но мальчик был молод и силен. К тому же, он был эскимос, а эскимосы народ выносливый. И как только Манни стало легче, он начал быстро поправляться. Скоро он мог уже ходить, правда, прихрамывая. А потом снова стал мечтать об охоте.

VIII. В эскимосском поселке летом.

Наступил июль — самый лучший месяц в этой местности. Из своих зимних снеговых хижин эскимосы выбрались. Теперь, летом, они живут в палатках. Палатки стоят повсюду — и на вершинах холмов, и на берегу ручья, в котором плавают большие и жирные форели.

Аतिकлеура поставил свою палатку на высокой скале, откуда хорошо видны приближающиеся олени. Его палатка — образцовая. Она сшита из тонких, хорошо сохранившихся тюленьих шкур, натянутых на три деревянных шеста. А чтобы прикрепить палатку к земле, Манни с братьями притащили большие камни и наложили их вокруг по краю палаточного ковра.

В палатке чисто. На земле лежат оленьи шкуры, у входа два камня, между которыми зажигается огонь. Это — очаг.

Вечер. Манни вернулся с берега, — он ловил сегодня рыбу. За спиной у него ранец из тюленьей кожи — в нем добыча. А в руке он несет длинную — метра в три — деревянную острогу с железным острием.

Я встаю ему навстречу.

— Здравствуй, Манни!

— Ма-ни-кту-ми.

Манни ставит свою острогу в угол, а ранец с рыбой кидает матери.

Маленький Анни, братишка, в восторге: он получит сейчас сырые рыбы глаза — лучшее лакомство эскимосских ребят. И он прыгает возле матери и ластится к ней, пока она разбирает добычу. А получив глаза — убегает из палатки. Он боится, что дома Манни или брат Эррера отнимут у него это лакомство — а оно так вкусно, что Анни ни за что не расстанется с ним добровольно.

Налунья старательно разбирает рыбу. Манни, Эррера, Атиклеура — все получают по куску великолепной семги. Мне тоже предлагают, но я вежливо отказываюсь.

Манни возится у очага — добывает огонь. Он кладет на камень деревянную дощечку с углублением на ней и вставляет в углубление круглую палочку, обмотанную шнурком из оленьих жил. Потом прижимает к груди пластинку из оленьей кости с отверстием посередине, вставляет в это отверстие другой конец своей круглой палочки и, дергая шнурок, начинает быстро вращать палочку то в одну, то в другую сторону. Проходит пятнадцать минут, двадцать, полчаса. От трения деревянных частей друг о друга образуется на конце палочки тлеющий деревянный порошок. Этот порошок пересыпают в мешочек с пропитанным жиром оленьим мохом. Мох ярко вспыхивает — огонь готов.

Маленький Анни заглядывает в палатку.

— Огонь?

И снова исчезает. Издалека доносится его голос:

— Огонь, огонь! Манни добыл огонь!

Соседи приходят один за другим. Всем хочется при-
занять огонька. Атиклеура с серьезным видом позволяет
соседям зажигать факелы у своего очага.

А Налунья тем временем накладывает рыбу в гор-
шок и ставит ее на огонь. Это готовится ужин. Никто
не ждет, чтобы рыба сварилась. Зачем? Сырая, чуть-
чуть согретая на огне, она очень вкусна. И только рыба
успевает согреться — семья усаживается за ужин. Все
наперебой протягивают к горшку руки и вытаскивают
оттуда куски горячей рыбы. Жир течет по лицам и ру-
кам их, ребяташки облизывают его.

А наевшись, запивают ужин холодной водой.

* * *

— А-а-а-у-у-о-о-а-а . . .

Я вздремнул немного после ужина, а теперь подни-
маюсь, протираю глаза, осматриваюсь.

Кто тянет эти заунывные, однообразные звуки?

Это Манни. Он починает свою острогу и «поет».
Атиклеура тоже поет, склонившись над работой. Только
Налунья, возясь с каяком, работает молча. Ей бы, пожа-
луй, тоже хотелось попеть, но она боится помешать ра-
боте мужчин.

— Манни, не пойдём ли мы с тобой погулять?

Манни откла-
дывает свою работу
и встает. На лице
его сияет широкая
улыбка: он любит
гулять с каблуной.

Выходим. Ве-
чер тепел и ясен,
вокруг — много
эскимосских пала-
ток. Мы решаем
пойти в гости.

— Куда же мы пойдём, Манни? К Каа-аак-кеа?

Манни делает гримасу и отрицательно качает головой. Каа-аак-кеа ленив, плохой охотник и беден. Его палатка нисколько не похожа на красивую палатку Атиклеуры: вся она сшита из дырявых, изъеденных оленьих шкур. Когда ни придешь, Каа-аак-кеа спит на груде меховых одеял. А у входа в палатку целый рой мух, со-

бравшихся у кучи тут же лежащих обглоданных рыбных костей. Внутри — грязь и такая вонь, что спирает дыхание.

Правда, не стоит идти к Каа-аак-кеа!

Может-быть, пойдём к Уликтуалле?

Это предлагает Манни, но теперь делаю гримасу я. Уликтуалла богат и отличныйловец рыбы. Его дети — даже малыши 5—6 лет — ловят на удочку навагу. А взрослые добывают форелей.

Но от его палатки далеко разносится запах рыбы. а внутри все так пропитано рыбьим жиром, что меня тошнит и я не могу к нему ходить.

— Знаешь что, Манни? Пойдём к Пойети.

Пойети был брат Атиклеуры. У него была молодая жена Каблока, покорное, терпеливое и добродушное существо, и маленький, всего нескольких месяцев от роду, сынок.

Каблока, увидев нас, захлопала в ладоши: мы были с ней большими друзьями. Она только-что «купала ребенка» — то-есть, попросту, облизывала, как кошка, языком его голое тельце. А кончив свою работу, подбежала к нам.

Ребёнок закричал.

Тогда Каблока вернулась к нему и вложила ему в рот «соску». Это был просто кусок сала с пронулся каяк Пойети, раз каяк Алеингана. Скоро ли, сунутой через него длинной палкой. Палка лежала поперек рта ребенка и мешала ему проглотить сало. Но ребенок его сосал и лежал спокойный и довольный.

А как смешно поила Каблока своего сына! Она набирала в рот воды, наклонялась к ребенку — и осторожно переливала воду из своего рта в его.

В этот вечер Пойети не было дома: он еще не вернулся с охоты.

Мы посидели немножко с Каблокой и хотели уже уходить, но в этот момент Пойети вошел в палатку.

— Маниктуми!

Приветствие было обращено к нам. А Каблоке он, не говоря ни слова, кинул добычу — убитых птиц и протянул ноги, на которых были мокрые и скользкие сапоги из тюленьей кожи.

Каблока стянула с него сапоги зубами, и рот ее при этом наполнился грязью.

Хорошая женщина была маленькая Каблока! Помню, раз зимой, когда я уезжал, Каблока провожала меня до

корабля. Было 50° мороза. За спиной у нее лежал в мешке ее ребенок, совершенно голый. Порой она вынимала его из мешка, и тогда он в течение нескольких минут оставался на морозе голый. Но Каблоку это не тревожило: эскимосские дети привыкли к морозу.

Было уже поздно, когда мы вышли из палатки Пойети. Но мне хотелось еще навестить старого Алеингана, отца Аतिकлеуры. Он считался старшим в племени — величественный старик лет 70, с длинной бородой и белыми, как снег, волосами. Он славился среди своих соплеменников тем, что, будто бы, совершил в молодости великий подвиг — победил «тунги» — племя великанов, которое жило здесь раньше.

И еще Алеинган рассказывал, что он побывал на луне. Там чудесно, никогда не бывает голода, и на бесконечных равнинах водится множество оленей. Если кто на земле будет беспрекословно исполнять все приказания Алеингана, тот после смерти попадет на луну.

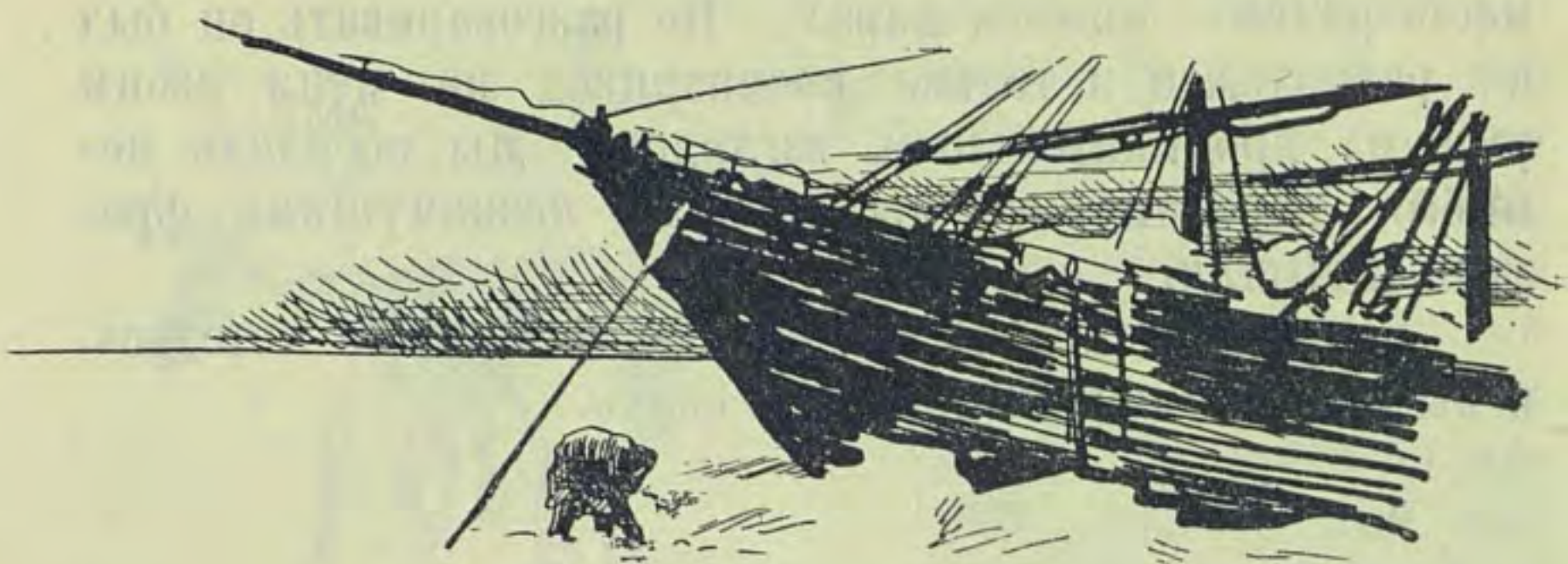
Много раз, сидя в хижине Алеингана с ним и его женой Антаной — старухой с крошечными стертыми зубами, я пытался вызвать «седовласого» на рассказы об его подвигах. Но все было напрасно, в присутствии «каблуны» Алеинган молчал. Хитрый старик был достаточно умен и понимал, что своими рассказами он мог одурачить только легковверных эскимосов.

Так было и на этот раз. Алеинган приветствовал нас величавым кивком головы и подвинулся, чтобы дать мне

место рядом с ним на нарах. Но разговаривать он был не расположен и только посматривал на меня своим умным, проницательным взглядом. Мы посидели немного, перекинулись несколькими незначущими фразами и вышли.

Больше ходить по гостям нам сегодня не хотелось, и мы с Манни пошли домой — спать.

IX. Манни делается каблуной.

— Что же, Манни? Поедем в каблуна-нуни?

— О, да, поедем. Ведь у вас там охотятся на оленей?

— Охотятся, Манни.

— Так Манни будет охотником в каблуна-нуни. Ты обещал подарить мне ружье, каблуна. Подаришь?

— Подарю, конечно. И патроны тоже подарю.

Манни весел и радостен. Он чувствует себя уже наполовину каблуной. Но ему очень хочется переселиться скорее на корабль.

Однако, Аतिकлеура . . . Он, кажется, не особенно доволен тем, что мы забираем у него Манни. Манни — охотник, он нужен дома.

— Впрочем, — прибавил он, — я отпущу его, если каблуна мне хорошо заплатят.

— Чего же ты хочешь, Аतिकлеура?

Но Аतिकлеура не мог сказать, чего бы ему хотелось. У каблуна есть так много прекрасных вещей . . .

— Вот складной нож, Аतिकлеура. Он тебе нравится?

— О, да.

Аतिकлеура разом повеселел. Но все-таки нож его не удовлетворил.

— Манни стоит больше.

Разумеется, Манни стоил больше. Но что бы еще предложить Аतिकлеуре?

Я обводил глазами трюм, ища подходящего для эскимоса предмета. Вдруг мой взгляд упал на старый напильник.

— Атиклеура, не хочешь ли ты вот это?

Восторгу Атиклеуры не было границ. Напильник и нож за одного Манни! Он отправился домой, вполне довольный. Манни разрешено было перебраться на корабль.

Он явился на другой день и вбежал на палубу, запыхавшийся и смущенный. Вбежал — и остановился.

Мы радостно приветствовали его.

— Вот... я пришел.

— Здравствуй Манни. Теперь ты наш.

Манни улыбался, радостно и недоверчиво.

Я подошел к нему, взял его за руку.

— Каблуна должен вымыться, Манни. А потом ему дадут новое платье.

Манни захлопал в ладоши. Новое платье! Кака хорошо...

У него были прекрасные волосы, но они были полны насекомых. Все же стричь его было жаль. Поэтому после мытья его только хорошенько вычесали и посыпали голову порошком от насекомых.

Матрос принес ему нижнее белье. Манни стал одеваться.

Я в это время сидел на палубе с книгой. Вдруг вижу — идет Манни, в одном белье, и гордо осматривается по сторонам.

— Манни, куда ты?

— К тебе, каблуна. Я уже готов.

— Да, ведь, ты еще не одет!

— Как? Разве это не одежда?

И какая хорошая...

Я расхохотался.

— Нет, Манни, каблуна сверх этого всегда одевают еще другое платье. В этой одежде никто никогда не выходит.

— Почему?

Я не знал, почему.

— Потому что холодно, Манни.

— Но сейчас тепло.

— Все-таки тебе надо надеть еще одно платье. И ты всегда его надевай.

— Так мне дадут еще одно платье? Где же оно?

— Там, внизу.

Я сам повел его вниз. Матрос, который помогал ему одеваться, уже искал его.

— Я только на минутку вышел, — сказал он, — чтобы принести ему верхнее платье. А он исчез.

И вот Манни, наконец, одет. Костюм его был немного пестрый — для него собрали на судне все, что было лишнего: голубую вязаную рубаху, штаны из оленьей шкуры по колени, длинные белые чулки, старые открытые лакированные туфли и шляпу — старую светлоголубую шляпу для купанья.

Но, кажется, никто никогда не гордился своим новым платьем так, как Манни. Он смеялся от радости, тащил и теребил части своего туалета и то и дело с любопытством и с восхищением смотрел на свои руки и ноги. Пытался он даже заглянуть за спину, но это никак ему не удавалось.

А еда? Манни ел столько, сколько ему хотелось, а хотелось ему невероятно много. Я боялся, чтобы он не заболел, но все обошлось благополучно.

С жизнью на корабле Манни освоился довольно скоро. Наш метеоролог, лейтенант Ганзен, учил его читать и писать. Скоро он умел прочитывать и подписывать свое имя и даже узнавал время по циферблату часов. Но любимым его занятием была игра в шашки.

С каким азартом он играл! Помню, раз я сидел в каюте с книгой. А Манни и лейтенант в углу играли

в шашки. Вдруг я вздрогнул: в комнате раздался дикий вой. Оказалось, это Манни обыграл метеоролога.

А когда он проигрывал — он громко и горько плакал . . .

Так шла жизнь Манни на корабле.

* * *

Прошло два месяца — июнь и июль. А в августе, после двукратной зимовки на «Земле короля Вильгельма», мы решили отправиться на запад. И Манни должен был ехать с нами. К тому времени он стал уже настоящим каблуной.

Поехали. Весь эскимосский поселок провожал нас. Прощание наше было очень трогательное.

Но пропутешествовали мы недолго: в начале сентября мы прибыли к устью Макензи и остановились здесь на короткое время. А потом оказалось, что дальше ехать невозможно, потому что мы затерты льдами. И пришлось нам готовиться к третьей зимовке во льдах.

В это время у всех нас — и у Манни тоже — было много работы. Манни был необыкновенно послушный и исполнительный работник, едва ли не лучший в нашей команде. Он быстро выучился рубить и пилить дрова, убирать каюты. А, кроме того, он охотился. Я подарил ему карабин и охотничье ружье. Он прекрасно обращался с этим оружием и охота его всегда была удачной.

Но я заметил, что в последнее время с ним стало твориться что-то неладное. Он побледнел, похудел и стал далеко не так весел, как раньше. Громкого смеха его совсем не было слышно.

Я серьезно огорчился. Уж не заболел ли Манни?

Раз вечером вернулся я с охоты и пошел к себе в каюту. Уже издали я услышал громкий плач. Манни плачет! Я бросился в каюту.

— Манни, что с тобой? Обидел тебя кто-нибудь?

Манни держал в руках какую-то картинку и неудержимо рыдал.

— Манни не поедет... в каблуна-нуни... Там убьют меня... убьют...

— Убьют? Что ты, Манни? С чего ты взял?
Но Манни не унимался. Он протягивал мне картинку.

— Вот... вот...

И рыдал еще громче.

Я взглянул. На картинке был изображен англичанин со зверским лицом, отрубаящий голову буру — лубочная картинка из времен войны буру с англичанами.

— Полно, Манни! Это все выдумки. Не плачь. Тебе будет хорошо в каблуна-нуни.

— Нет... нет...

Я задумался. Мне жаль было расставаться с Манни. И всем моим товарищам тоже. Но брать его с собой помимо его желания нам вовсе не хотелось.

— Что же, Манни! Если ты не хочешь ехать, мы можем оставить тебя здесь у эскимосов.

Манни перестал плакать.

— О, каблуна! Ты отпустишь Манни? Да, Манни хочет остаться здесь.

Делать нечего, приходилось покориться.

Среди эскимосов этой местности был у меня приятель Манитхия — добрый и хороший человек. На другой день я пошел к нему и предложил оставить у себя Манни.

Манитхия обрадовался: у него совсем не было сыновей, а Манни был хороший охотник.

И через пару дней Манни, богато снабженный платьем, табаком, мылом, двумя ружьями и патронами, покинул наш корабль.

Ему нисколько не было грустно. Напротив, он прыгал и танцевал от радости. Опять прежняя жизнь, охота на тюленей, калауди, знакомые обычаи . . .

А через несколько недель и мы уехали отсюда далеко на запад.

Цена 60 коп.

Переплет 25 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Русаковская, 28
АКЦ. О-ВО «МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА»
Кузнецкий Мост, 12
МОСКВА